

Конституционный судебный контроль как средство непосредственного обеспечения прав и свобод граждан

Алексей Васильевич Тарасов, Ксения Юрьевна Гоглева ✉

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: goglevakseniya@gmail.com ✉

Аннотация. Статья посвящена исследованию института конституционного судебного контроля как средства непосредственного обеспечения прав и свобод граждан. Авторы доказывают, что институт специализированного судебного контроля — неотъемлемый элемент обеспечения баланса ветвей власти, обеспечивающий систему сдержек и противовесов в правовом демократическом государстве, особенно в условиях «правового взрыва» и активной юридикации общественных отношений. Последнее обуславливает необходимость эффективного механизма контроля за соблюдением законности как процедуры принятия нормативно-правовых актов и соответствием их положений содержанию Основного закона государства. Недопущение нарушений прав и свобод человека и гражданина — основная задача сбалансированной деятельности всех ветвей власти. Сочетая в своей деятельности правосудную, нормоконтрольную и «консультативную» функции, а также осуществляя толкование конституционных положений, специализированные органы конституционного контроля выносят решения, которые фактически становятся «эталонами» правоприменения и коренным образом влияют на правовую политику государства в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Отдельное внимание уделено проведению эмпирического анализа исполнения «дисквалифицирующих» резолютивных актов высшего органа судебного конституционного контроля Российской Федерации, вынесенных в рамках последующего абстрактного и конкретного нормоконтроля, как основного показателя эффективности и результативности деятельности Конституционного суда России в области защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль, права и свободы граждан, предварительный судебный конституционный контроль, абстрактный судебный

конституционный контроль, конкретный судебный конституционный контроль, публично-правовые конфликты.

Цитирование: Тарасов А. В., Гоглева К. Ю. 2023. Конституционный судебный контроль как средство непосредственного обеспечения прав и свобод граждан // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 78–91. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-78-91>

Поступила 21.10.2022; одобрена 29.12.2022; принята 31.01.2023

Constitutional judicial control as a means of directly ensuring the rights and freedoms of citizens

Alexey V. Tarasov, Kseniya Y. Gogleva 

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Corresponding author: goglevakseniya@gmail.com 

Annotation. The article offered to the reader is devoted to the study of the institution of constitutional judicial control as a means of directly ensuring the rights and freedoms of citizens. The authors argue that the institution of specialized judicial control is an integral element in ensuring the balance of the branches of government, providing a system of checks and balances in a democratic state based on the rule of law, especially in the context of a “legal explosion” and active juridification of public relations. The latter necessitates the existence of an effective mechanism of constitutional and control activities for the observance of the rule of law, both the procedure for adopting normative legal acts, and the compliance of their provisions with the content of the Basic Law of the state in order to prevent violations of the rights and freedoms of man and citizen, as the main task of balanced activity of all branches of government. Combining normative control and “advisory” functions in their activities, as well as interpreting constitutional provisions, specialized bodies of constitutional control make decisions that, in fact, become the “standard” of law enforcement and fundamentally affect the legal policy of the state in the field of protecting human rights and freedoms and citizen. Special attention is paid to the empirical analysis of the resolutions of the supreme body of judicial constitutional control of the Russian Federation, as well as a number of foreign bodies of constitutional justice, in the field of protection and restoration of violated constitutional rights of citizens in the framework of the a posteriori abstract

and specific normative control, as well as a priori normative control, which is a novelty of domestic legislation.

Keywords: judicial constitutional control, rights and freedoms of citizens, a priori judicial constitutional control, abstract judicial constitutional control, specific judicial constitutional control, public law conflicts.

Citation: Tarasov, A. V. & Gogleva, K. Y. (2023). Constitutional judicial control as a means of directly insuring the rights and freedoms of citizens. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 78–91. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-78-91>

Received ...; Reviewed ...; Accepted ...

В борьбе обретаешь ты право свое

Р. Иеринг

Введение

В отличие от естественных и точных наук, в которых невозможна верификация знаний без проверяемого доказательства, юриспруденция основана на устоявшихся этических истинах и догмах, уходящих корнями к таким принципам, как *pacta sunt servanda*, *dura lex sed lex* или «не убий». Безусловно, они не носят абсолютного характера и не могут быть распространены на регулирование всех правовых отношений, складывающихся в обществе. Однако должны быть учтены при анализе *права* в его наличном состоянии — через призму его легитимности и коммуникации, что представляется особо важным при осуществлении толкования нормативных актов в правовых демократических государствах. Ведь даже самое справедливое и легитимное правление, базирующееся на принципах народовластия и прямого представительства, подчас бывает не лишено недостатков и — практически неизбежно — дефектов правотворчества и правоприменения. В связи с чем крайне важным представляется эффективное функционирование внутригосударственного правозащитного механизма по осуществлению контроля и надзора над деятельностью национальных государственных органов всех ветвей власти, направленное на обеспечение их качественного взаимодействия и сбалансированной совместной работы во благо реализации высокой цели по защите *верховенства права* в его естественной природной сущности.

Теоретический анализ

Именно в защите естественного *права* и сохранении конституционно закрепленных принципов и норм есть смысл и основная задача функционирования института специализированного судебного контроля. И хотя российская Конституция не оперирует термином «*господство права*», она закрепляет правовое государство как основу от-

естественного конституционного строя [Конституция РФ, 1993, ч. 1, ст. 1], *de facto* признавая верховную роль *права* (в понимании, не тождественном *закону*) при определении конституционного баланса интересов личности, общества и государства, а также разделении ветвей власти в целях исключения возможности их произвола и чрезмерного активизма. Ведь именно в «восхождении к праву», «прогессе права», заключающемся в стремлении к его «гуманитарному содержанию» (термины С. С. Алексеева [Алексеев, 1995]), есть суть идеи построения правового государства — государства, в котором посредством закона реализуются интересы личности, основные ее потребности. Особо важным при этом представляется деятельность специализированных органов судебного конституционного контроля (к числу которых относится и Конституционный суд РФ), выполняющих обеспечительную и судебно-охранительную роль в этом процессе. Восполняя эффективной (при отсутствии политического давления со стороны органов государства) реализацией конституционно-контрольной функции «имеющийся «дефицит» *господства права* в судебной и административной практике» [Кравец, 2020], конституционно-контрольные органы обеспечивают стремление общества к достижению идеалов «гуманистического права» [Алексеев, 2001]. То есть, реализуя нормоконтрольную функцию, заключающуюся в установлении соответствия той или иной законодательной нормы конституционным положениям, Конституционный суд фактически обладает исключительным полномочием по *непосредственному* [ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», 1994, абз. 2, ст. 79] устранению *нарушения права* путем признания данного нормативного акта неконституционным, что влечет незамедлительную утрату им действия [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, абз. 3, ст. 79].

Следует отметить, что в рамках процедуры судебного конституционного контроля осуществляется как *опосредованная* защита прав и свобод граждан (реализуемая, например, при осуществлении абстрактного последующего и предварительного нормоконтроля), так и *непосредственная*. При чем последнее направление деятельности представляется особо востребованным в современной отечественной правовой системе, что подтверждается эмпирическим анализом статистических данных, приведенных в соответствующем разделе настоящей статьи.

Впрочем, *опосредованная защита прав и свобод граждан*, состоящая в устранении неконституционности той или иной законодательной нормы вне связи с ее применением в конкретном деле, представляется не менее важным направлением деятельности Конституционного суда РФ, прямым образом формирующим его компетенцию по обеспечению *верховенства права*. Поэтому представляется необходимым, предваряя анализ *непосредственной защиты прав и свобод граждан* в рамках процедуры конкретного конституционного нормоконтроля, остановиться на некоторых основаниях ее актуальности.

Во-первых, это расширение предмета правового регулирования и увеличение количества законов и иных источников права в условиях современных мировых правовых систем, что характеризуется рядом исследователей как «правовой взрыв», «правовое наводнение» [Беляев, 2016].

Подобная юридикация, обусловленная в первую очередь самим фактом естественной эволюции общества и усложнением характера межличностных отношений, требующих увеличения массива позитивного права, на наш взгляд, весьма неоднозначна. С одной стороны, она является фактом признания государством того или иного права или свободы, так как его нормативное закрепление в материальном содержании нормы права выступает гарантией обеспечения и защиты законных интересов граждан при рассмотрении возникающих правовых конфликтов в обществе (см. подробнее [Гоглева, 2022]), а судебный конституционный контроль является при этом «мирным средством» их разрешения. С другой — «избыток позитивного права» [Денисенко, 2022, с. 196] зачастую, с технической точки зрения, заметно усложняет процесс законодательного регулирования и, как следствие, снижает эффективность права, делая его излишне сложным и «формальным» не только для граждан, но, и для правоприменителей. Следовательно, необходимым становится наличие легального «интерпретатора» в виде конституционно-контрольного органа, который обладал бы исключительным правом анализа законодательных нормоположений с точки зрения их соотношения с конституционными правоустановлениями.

Не составляет исключение и отечественная правовая система, ведь

«... нами управляет такой объем правовых норм, что уже никто не может считаться специалистом более, чем в отдельных сферах системы права» [Денисенко, 2022, с. 197].

Так, в период 2019–2021 гг. в 78 федеральных законов РФ были внесены корректировки, дополнения и изменения [Указ Президента Российской Федерации ..., 2011], что, на наш взгляд, составляет довольно значительное количество и является серьезным объемом «нагрузки» на правоприменителя. Например, последние зачастую слабо осведомлены о процессе модернизации законодательства и, как следствие, оказываются малоэффективны в процессе своевременного приведения подзаконных нормативных актов в соответствие с принятыми законодательными новеллами. Что, в свою очередь, опосредует практически неизбежное увеличение правовых пробелов, коллидирующих норм и технических ошибок в процессе нормотворчества, оспаривание положений которых как на предмет соблюдения законности процедуры их принятия, так и на соответствие содержанию Конституции (в целях исключения нарушений прав и свобод человека и гражданина), выступает наиболее частым предметом обращения в отечественный орган судебного конституционного контроля¹.

Во-вторых, Конституционный суд РФ, излагая свои правовые позиции по тем или иным вопросам объективизации общественных взаимоотношений, не только корректирует действующее законодательство в соответствии с вектором конституционного

¹ Следует отметить, что схожая статистика характерна и для зарубежных органов конституционной юстиции. Так, исходя из данных, представленных в Докладе Конституционного суда Республики Молдова об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 г. нормы уголовно-правового (34%), административного (22%) и гражданского (24%) законодательства составили 80% обращений в Конституционный суд республики [Официальный сайт Конституционного Суда Республики Молдова ...].

развития государства, но и, как верно отмечает профессор А. А. Ливеровский, «в какой-то мере, пролагает этот путь, развивая «право Конституции» [Ливеровский, 2018, с. 41], обеспечивая естественно-правовую направленность отраслевого законодательства. Более того, в результате изменений от 09.11.2020 [Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 ...] Конституционный суд РФ был наделен правом законодательной инициативы по предметам своего ведения [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, ст. 3], а также полномочием по предварительному нормоконтролю [Конституция РФ, 1993, ч. 5.1, ст. 125]. Что, безусловно, значительно расширило его правомочия по защите интересов граждан не только в процессе конституционного правосудия, направленного на восстановление уже нарушенного права или свободы, но и на этапе законотворческой деятельности государства.

Что касается оснований, обосновывающих возросшую актуальность *непосредственной защиты прав и свобод граждан* РФ средствами федерального судебного конституционного контроля, то в их числе следует назвать:

- 1) упразднение с 1 января 2023 года конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации, которые также были наделены полномочием по рассмотрению жалоб граждан на нарушение прав и свобод [Конституционный закон Республики Саха ..., 2022]. Образованные взамен региональным специализированным органам судебного конституционного контроля Конституционные советы, увы, не обладают данным правомочием. Следовательно, данные публично-правовые споры в настоящее время могут быть разрешены исключительно Конституционным судом РФ [Конституционный закон Республики Саха, 2021], что, безусловно, повышает его значимость и ответственность в сфере обеспечения *верховенства права* и реализации конституционных принципов современного правового демократического государства;
- 2) выход РФ из состава Совета Европы, денонсация Европейской конвенции по правам человека с 16 марта 2022 г., стремительное изменение политической картины мира, связанное с событиями от 24 февраля 2022 года, последовательно привели к невозможности реализации права на обращение граждан России в Европейский суд по правам человека (за исключением жалоб по нарушениям, совершенным до 15 марта 2022 г. включительно), в связи с чем возросла роль *непосредственной внутригосударственной защиты прав граждан Российской Федерации* посредством федерального конституционного судопроизводства.

Анализируя данные преобразования, некоторые исследователи указывают на их негативную сущность [Кожевников, 2021, с. 96–97; Малютин, 2022, с. 27; Двойменный, 2021, с. 188], в том числе выраженную в «угрозе» фактической трансформации Конституционного суда в *Суд по правам человека*, что неминуемо скажется как на снижении его функциональности в качестве конституционно-контрольного органа, осуществляющего предварительный и последующий абстрактный нормоконтроль, так и на качестве рассмотрения дел в порядке конкретного нормоконтроля. Увеличение количества жалоб граждан станет непропорционально существенной нагрузкой на судей, число которых было уменьшено с 19 до 11 в связи с конституционной реформой 2020 г. Несмотря

на то, что Конституционный суд РФ при рассмотрении дел в порядке конкретного нормоконтроля решает вопросы только права [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1004, ст. 3], на наш взгляд, он не может полностью «дистанцироваться» от изучения фактических обстоятельств дела, так как обратное исключало бы возможность соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон, декларированного ст. 5 вышеуказанного органического закона и предусматривающего возможность равноправия субъектов в ходе осуществления легальной процедуры разрешения публично-правового конфликта в рамках конституционного судебного процесса. Ведь важно осознавать и принимать во внимание, что зачастую не только нормы позитивного права выступают основанием аргументации правовой позиции специализированного судебного органа. Сущность института судебного конституционного контроля такова, что он является творцом живого конституционного права, дающим истолкование конституционным нормам и принципам, исходя из реалий действующей социальной действительности, учитывая в том числе национальную идентичность государства, культурные, этнические и религиозные особенности и традиционные ценности его населения. Следовательно, процедура рассмотрения каждого конкретного дела требует длительного, всестороннего, подчас неторопливого анализа судей. И именно поэтому, на наш взгляд, до сих пор законодательно не установлен срок рассмотрения жалобы в Конституционном суде РФ — как на стадии подготовки ее к рассмотрению в рамках конституционного судопроизводства, так и в ходе самого процесса. Что, впрочем, с иной стороны, может трактоваться и как недостаток современной отечественной системы судебного конкретного нормоконтроля, так как заявитель не имеет возможности контролировать соблюдение процессуальных сроков юрисдикционным органом, и, как следствие, не может чувствовать себя абсолютно защищенным. Тем более, учитывая тот факт, что на сегодняшний день не установлен перечень оснований обязательного применения обеспечительных мер по отношению к жалобе, поданной в высший орган конституционной юстиции: Конституционный суд обладает правом дискреции в вопросе их применения [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, ст. 98], что в некоторых случаях делает фактически невозможным восстановление прав заявителя даже после принятия «дисквалифицирующего» решения в отношении нормы, примененной в конкретном деле, так как за время рассмотрения конституционной жалобы исполнение судебного решения в его отношении уже состоялось.

Эмпирический анализ

С появлением и распространением института судебного конституционного контроля в мире легальную гарантированность получила юстициабельность прав человека и конституционных принципов как их нормативных оснований, заключающаяся в первую очередь в закреплении самой возможности обращения указанных субъектов в специализированные и неспециализированные контрольные органы с жалобой. В отечественной правовой системе таким органом является Конституционный суд, правовой статус и круг полномочий которого закреплён конституционно [Конституция Российской

Федерации..., 2020, ст. 125] и конкретизируется в соответствующем органическом законе [Федеральный конституционный закон..., 1994]. Представляется необходимым согласиться с мнением профессора В.Д. Зорькина, что основная идея, определяющая специфическую компетенцию органов судебного конституционного контроля в целом и Конституционного суда РФ в частности, заключается в возможности *прямой защиты прав человека* путем «преодоления глубоких деформаций правового регулирования и системных нарушений права» [Зорькин, 2013].

Как мы отмечали ранее, в отечественной правовой системе судебный конституционный контроль носит не только *инцидентный характер* [Кожевников, Крысанов, 2021], что означает осуществление исключительно *конкретного нормоконтроля*, предусматривающего проверку конституционности акта, подлежащего применению в рамках конкретного дела или в связи с жалобами на нарушение конституционных прав и свобод граждан, но и *абстрактный характер*, по типу стран европейской (кельзеновской) и смешанной модели организации конституционной юстиции (Федеративная Республика Германия, Австрия, Болгария, Польша и т. д.).

Представляется, что сочетание данных форм судебно-контрольной деятельности в рамках деятельности одного полномочного органа государственной власти является наиболее эффективным с точки зрения обеспечения *защиты прав и свобод* граждан. Так, согласно статистическим данным, за период с 1995 г. по 31.08.2022 в порядке ч. 4 ст. 125 Конституции России (*конкретный нормоконтроль*) было вынесено 627 постановлений, что составляет 84,6% общего числа постановляющих решений суда [Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации...]. При этом наиболее частым поводом к обращению послужили жалобы со стороны граждан и юридических лиц, а также Уполномоченного по правам человека в РФ (4472) [Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации...], что свидетельствует об общей востребованности данного правозащитного механизма у рядовых граждан.

Однако при этом остается стабильно низким количество запросов судов по рассматриваемым делам в высший отечественный орган конституционной юстиции — за указанный период их поступило всего 151 [Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации...], что, на наш взгляд, является следствием недостаточной эффективности выстроенного механизма взаимодействия между органами ординарного и специализированного правосудия. Между тем, суды общей практики, являясь в первую очередь «законоприменительными органами» [Ливеровский, 2018, с. 36], при постановлении решений должны быть абсолютно уверены в конституционности примененного ими нормативного акта, подтвердить или опровергнуть которую уполномочен лишь Конституционный суд РФ. Тем более что зачастую предметом жалоб граждан к институту судебного конституционного контроля является не неконституционность самой нормы права, а практика ее применения и истолкования органом ординарного правосудия, нарушившая, по мнению гражданина, его права и свободы. И Конституционный суд РФ, в соответствии со ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде...», принимая решение по делу, оценивает также и «смысл, придаваемый... официальным и иным истолкованием, в том числе и в решениях по конкретному делу».

В связи с чем считаем целесообразным «легализовать» институт «конституционной кассации» в практике отечественного специализированного контроля, предоставив Суду право анализировать и оценивать конституционность правоприменительной практики органов ординарного правосудия, так как это не только способствовало бы расширению оснований для прямого обращения граждан за непосредственной защитой своих прав и свобод в высший орган судебного конституционного контроля, но и повысило бы ответственность судов общей практики в вопросе реализации права обращения в Конституционный суд России в рамках конкретного нормоконтроля, так как они были бы заинтересованы в превенции возможных ошибок правоприменения в ходе рассмотрения конкретных дел.

Анализируя роль судебного конституционного контроля в *непосредственной защите прав и свобод граждан*, нельзя не остановиться на вопросе имплементации его решений в отечественной правовой системе. Ведь реальное разрешение любой конфликтной ситуации публично-правового характера, проистекающей из нарушения субъективного права или свободы человека и гражданина, возможно только после исполнения решения, вынесенного специализированным органом судебного конституционного контроля. Причем реализация провозглашенного решения важна не только для участников данного публично-правового конфликта, но и для общественности, так как принятые решения носят обязательный характер не только по конкретному делу, но и во всех аналогичных правовых ситуациях [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, ст. 6]. При этом по данным, представленным в Информационно-аналитическом отчете об исполнении решений Конституционного суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2021 г. (подготовленного Секретариатом Конституционного суда РФ в соответствии с п. 2 § 67 Регламента Конституционного суда РФ) [Информационно-аналитический отчет...] и в Мониторинге правоприменения решений Конституционного суда РФ, представленном на официальном сайте Министерства юстиции РФ [Мониторинг правоприменения решений...] в соответствии с Указом Президента от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [Указ Президента Российской Федерации..., 2011], содержащем Перечень решений Конституционного суда России, во исполнение которых приняты нормативные правовые акты, а также Перечень решений, требующих принятия нормативных правовых актов, содержится информация о тридцати трех постановлениях, вынесенных в период 2012–2021 гг. и содержащих обязательное предписание о необходимости внесения изменений в порядок правового регулирования той или иной отрасли российского законодательства, которые не исполнены по состоянию на 15 июля 2022 г. (что составляет 16,2% от общего числа вынесенных решений). При этом шесть из указанных постановлений не реализованы в течение периода 6–10 лет, что, на наш взгляд, является совершенно недопустимым для обеспечения эффективности механизма *непосредственной защиты прав и свобод граждан* институтом судебной конституционно-контрольной деятельности. В целях разрешения данной негативной ситуации и минимизации ее возникновения в будущем предлагается усилить контроль за исполнением решений Конституционного суда

РФ как со стороны самого высшего органа судебного конституционного контроля по аналогии с полномочиями некоторых зарубежных специализированных органов конституционного контроля (например, Конституционного суда Республики Молдова, который за 2020 г. внес 5 представлений, направленных на выявление пробелов и недостатков законодательства, связанных с неисполнением положений Верховного закона или с невнесением изменений в законодательные положения, которые были подвергнуты конституционному контролю, в Парламент Республики [Постановление Конституционного Суда Республики Молдова ...]), так и со стороны иных органов публичной власти. В частности, на наш взгляд, требуется законодательно усилить меры федерального вмешательства внесудебных институтов конституционного контроля (парламентского и президентского), которые могут применяться в случаях неисполнения или несвоевременного исполнения «дисквалифицирующих» судебных решений.

Заключение

Юстициабельность прав человека и конституционных принципов как их нормативных оснований, заключающаяся, в первую очередь, в закреплении самой возможности обращения граждан в национальные специализированные конституционно-контрольные органы за непосредственной защитой нарушенных прав в случае низкого уровня их гарантированности законодательством, является состоявшимся фактом современной правовой действительности. Проведенный теоретический и эмпирический анализ позволяет утверждать, что *непосредственная защита прав и свобод граждан* институтом отечественного судебного конституционного контроля, ввиду особого статуса его резолютивных актов, обладающих свойствами окончательности и прямого действия [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, ст. 79], представляет собой реализацию его *правозащитной функции* без промежуточного участия иных органов государственной власти РФ. Однако результативность данного рода правозащитной деятельности в отечественной правовой системе обеспечивается надлежащим и своевременным исполнением решений Конституционного суда России, в первую очередь, «дисквалифицирующего» характера, и потому тесным образом связана с организацией взаимодействия ветвей власти, которая безусловно, требует дополнительной законодательной регламентации. При этом следует отметить, что в настоящее время эффективность деятельности высшего органа конституционного правосудия РФ несколько снижена ввиду наличия ряда правовых пробелов и коллизий в определении его материального и процессуального статуса, которые требуют как законодательной корректировки, так и доктринального осмысления со стороны научного сообщества.

Список источников

- Алексеев С. С. 1995. Теория права. М. 192 с.
Алексеев С. С. 2001. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. 752 с.
Беляев М. А. 2016. Модель развития права: от «эволюции» к «взрыву» // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. № 3. С. 9–20.

- Гоглева К. Ю. 2022. Судебный конституционный контроль как средство юридизации публично-правовых конфликтов // Современное общество и право. № 2 (57). С. 30–35.
- Двойменный И. А. 2021. Региональная конституционная юстиция: состояние и перспективы // Регион: системы, экономика, управление. № 1 (52). С. 188–194.
- Денисенко В. В. 2022. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): монография. М.: Проспект. 240 с.
- Зорькин В. Д. 2013. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма. 496 с.
- Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2021 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 § 67 Регламента Конституционного суда Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 30.11.2022).
- Кожевников О. А., Крысанов А. В. 2021. Конституционная реформа в России и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации упразднение без права на защиту // Вестник Уральского юридического института МВД России. № 1. С. 92–97.
- Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2022 г. № 16-з № 363-II «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве».
- Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 г. № 2356-3 № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/574747374> (дата обращения 30.11.2022).
- Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Российская газета». 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
- Кравец И. А. 2020. Господство права, границы конституционного судебного правотворчества и принцип соразмерности (российский опыт и практика ЕСПЧ) // Правотолкование и проблема судебного правотворчества: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 10–12 октября 2019 года / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь. С. 21–30.
- Ливеровский А. А. 2018. Уточнение смысловых представлений о конституционном нормоконтроле // Право: история и современность. № 1. С. 32–48.
- Малютин Н. С. 2022. Институт региональной конституционной (уставной) юстиции в России: завершение истории? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. № 4. С. 26–38.
- Мониторинг правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: (дата обращения 30.11.2022).
- Официальный сайт Конституционного Суда Республики Молдова. URL: <https://www.constcourt.md> (дата обращения 30.11.2022).

- Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 30.11.2022)
- Постановление Конституционного Суда Республики Молдова № 1 от 11 января 2021 года «Об утверждении доклада об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году». URL: (дата обращения 30.11.2022).
- Сажина В. В. 2019. Виды конституционного контроля: зарубежный опыт // Юридическая наука: традиции и инновации: Сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, Великий Новгород, 26—27 апреля 2019 года. С. 241–243.
- Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
- Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1 — ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5045.
- Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 г. № 5 — ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.
- Число принятых в 2021 году законов оказалось минимальным за последние пять лет URL: <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/> (дата обращения 30.11.2022).

References

- Alekseev, S. S. (1995). *Theory of Law* (2nd edition, revised). [In Russian].
- Alekseev, S. S. (2001). *Rise to the right. Searches and solutions*. [In Russian].
- Belyaev, M. A. (2016). Law development model: from “evolution” to “explosion”. *Vestnik RUDN. Ser. Yuridicheskie nauki*, (3), 9–20. [In Russian].
- Gogleva, K. Yu. (2022). Judicial constitutional control as a means of legalization of public law conflicts. *Sovremennoe obshchestvo i parvo*, (2). 30–35 [In Russian].
- Dvoimenny, I. A. (2021). Regional constitutional justice: status and prospects. *Region: systems, economics and management*, (1), 188–194 [In Russian].
- Denisenko, V. V. (2022). *Legitimacy of law (theoretical and legal research): monograph*. Prospekt. [In Russian].
- Zor’kin, V. D. (2013). *Law in the Context of Global Change: Monograph*. Norma. [In Russian].
- Information and analytical report on the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation adopted in the course of constitutional proceedings*. (n.d.). Retrieved November 30, 2022, from <http://www.ksrf.ru> (accessed) [In Russian].
- Kozhevnikov, O. A. & Krysanov, A. V. (2021). Constitutional reform in Russia and constitutional (statutory) courts of constituent entities of the Russian Federation: without the abolition of the right to protection. *Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (1), 96–97 [In Russian].

- On the Constitutional Court of the Republic of Sakha (Yakutia) and constitutional legal proceedings, Constitutional Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of June 15, 2022, No. 16-z No. 363-II (2022). [In Russian].
- On the Constitutional Council of the Republic of Sakha (Yakutia), Constitutional Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of May 26, 2021, No. 2356-3 No. 623-VI (2021). Retrieved November 30, 2022, from <http://docs.cntd.ru/document/574747374> [In Russian].
- RF Constitution of December 12, 1993 (as of March 14, 2020) (1993). *Rossiiskaya gazeta*. December, 25; (2020). SZ RF, 11, article 1416. [In Russian].
- Kravets, I. A. (2019). The rule of law, the boundaries of constitutional judicial –making and the proportionality principle (Russian experience and practice of the ECHR). *Law interpretation and the problem of judicial lawmaking: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference, Simferopol, October 10 — 12, Crimean Federal University, Simferopol* (pp. 21-30). [In Russian].
- Liverovsky, A. A. (2018). Clarification of the concept of constitutional normative control. *Law: History and Modernity*, (1), 32–48. [In Russian].
- Malutin, N. S. (2022). Institution of regional constitutional (charter) justice in Russia: end of history? *Vestnik of Moscow University. Series II: Law*, (4), 26–38. [In Russian].
- Monitoring the enforcement of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, presented on the official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation (n.d.). Retrieved November 30, 2022, from <https://minjust.gov.ru> [In Russian].
- Official website of the Constitutional Court of the Republic of Moldova*. (n.d.). Retrieved November 30, 2022, from https://www.constcourt.md/public/ccdoc/hotariri/h_1_2021_report_rus.pdf
- Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation*. (n.d.) Retrieved November 30, 2022, from http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Documents/De%D1%81i-sions_7_2022.pdf
- On the approval of the report on the exercise of constitutional jurisdiction in 2020, Decision of the Constitutional Court of the Republic of Moldova No. 1 of January 11, 2021 (2021). Retrieved November 30, 2022, from <https://www.constcourt.md>
- Sazhina, V. V. (2019). Types of constitutional control: foreign experience. 2019. *Proceedings of the Research Conference of the students, undergraduates, postgraduates and teachers. Velikii Novgorod, 26–27 April, Velikii Novgorod* (pp. 241–243). [In Russian].
- On monitoring law enforcement in the Russian Federation, Decree of the RF President of May 20, 2011, No. 657 (2011). SZ RF, (21), article 2930. [In Russian].
- On the Constitutional Court of the Russian Federation, Federal Constitutional Law of July 21, 1994, No. 1 (as of July 1, 2021) (1994). SZ RF, (13), article 1447; (2021). (27, part 1), article 5045. [In Russian].
- On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation,” Federal constitutional law of November 9, 2020, No. 5-FKZ (2020). SZ RF, (46), article 7196 [In Russian].
- The number of laws adopted in 2021 was the lowest in the last five years*. (2021). Retrieved September 30, 2022, from <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/> [In Russian].

Информация об авторах

Алексей Васильевич Тарасов, кандидат юридических наук, начальник кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
mate-alexey@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3325-6398>

Ксения Юрьевна Гоглева, адъюнкт адъюнктуры, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
goglevakseniya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Information about the authors

Alexei V. Tarasov, Cand. Sci. (Jur.), Head of the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, St. Petersburg, Russia
mate-alexey@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3325-6398>

Ksenia Yu. Gogleva, Adjunct Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
goglevakseniya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>